

Информационная структура общества

УДК 81:(159.923+316.6)

Тумольская В.А.

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ В ОПРЕДЕЛЕНИИ ИНТЕГРАЛЬНЫХ ТИПОВ. ЧАСТЬ 2.

Вторая статья цикла, описывающего применение лингвистического анализа для определения интегральных типов культур, посвящена эмоциональным концептам в русском, английском и немецком языках.

Ключевые слова: соционика, модель А, интегральные типы информационного метаболизма, менталитет, язык, лингвистика, лексика, семантическое поле, концепт.

Современной лингвокультурологии известно, что концептуализация эмоций имеет языковую специфику. Это подтверждают работы таких лингвистов как Анна Вежбицкая, Алексей Шмелев, Николай Красавский [1, 2, 3, 4]. Также мы знаем о том, что с соционической точки зрения за восприятие и обработку информации об эмоциях отвечает функция этики эмоций (■) [5]. Таким образом, исследуя концепты эмоций в языках различных народов, мы можем определить положение функции ■ в ИТИМах данных народов.

Обратимся к сравнительному анализу концепта «эмоции» в русском, английском и немецком языках. Материалом для анализа являются работы Анны Вежбицкой «Язык. Культура. Познание», «Семантические универсалии и описание языков», Николая Красавского «Эмоциональные концепты в немецкой и русской лингвокультурах» [1, 2, 4].

Концепт «эмоции» в русском и английском языках

Анна Вежбицкая отмечает эмоциональное богатство русского языка и активный характер эмоциональных глаголов. Это может указывать на многомерность функции этики эмоций (■) — наличие множества градаций [5, с. 374: **индикатор №35 «Много градаций»**]:

«В отличие от английского языка, русский исключительно богат «активными» эмоциональными глаголами. Приведу здесь лишь сравнительно небольшую выборку наиболее типичных глаголов, большинство из которых совершенно не переводимо на английский язык: радоваться, тосковать, скучать, грустить, волноваться, беспокоиться, огорчаться, хандрить, унывать, гордиться, ужасаться, стыдиться, любоваться, восхищаться, ликовать, злиться, гневаться, тревожиться, возмущаться, негодовать, томиться, нервничать и т. д.»

Можно отметить ментальность функции ■ — осознанность, обдуманность действия по данной функции) [5, с. 400: **индикатор №75 «Обдуманные реакции, действия, поучения»**]:

«Следует, наконец, добавить, что представление о том, что русские активно и вполне сознательно «отдаются во власть» стихии чувств, нередко находит эксплицитное подтверждение в самом языке, что ясно видно из следующих примеров:

Часто отдается унынию, негодованию о том, что делается в мире (Толстой).

Не унынию должны мы предаваться при всякой внезапной утрате... (Гоголь).

Не отдаваться чувству досады... (Толстой)».

Наличие нюансов и градаций эмоций подтверждает многомерность ■ в русском ИТИМе [5, с. 374: **индикатор №35 «Много градаций»**], также можно отметить нахождение ■ в ценностном блоке — видимая важность данной сферы (интерес, желание) [16, с. 133-134: **управляющие эмоции многомерных функций**]:

«Сравнивая английский язык с русским, особенно интересно отметить, что именно русский здесь выступает как язык, уделяющий эмоциям гораздо большее внимание и имеющий значительно более богатый репертуар лексических и грамматических выражений для их разграничения».

В следующих наблюдениях можно отметить многомерность этики в ИТИМе русского народа — обращение выбирается исходя из испытываемых чувств и отношения в каждой конкретной ситуации, на конкретный момент речи, присутствуют градации [5, с. 373: **индикатор №34 «Это зависит от ситуации», «смотря для чего»**], [5, с. 374: **индикатор №35 «Много градаций»**]:

«В русской культурной традиции исключительно важную роль играет степень интимности личных отношений. Если, находясь с адресатом в определенных личных отношениях, говорящий называет ее Катя, Катенька, Катюша, Катька, Катюха, Катюшенька и т. п. в строгом соответствии с силой испытываемого к ней чувства и состоянием отношений между ним и адресатом на момент речи (как понимает его говорящий), то это, по всей видимости, означает, что русские считают крайне важным передать все оттенки возникающих между людьми чувств и все перемены и колебания в отношениях между ними».

В анализе ниже можно отметить многомерность функций этики эмоций (■) — наличие градаций, нюансов в выражении чувств [5, с. 374: **индикатор №35 «Много градаций»**]:

«Русский язык исключительно богат уменьшительными формами; кажется, что они встречаются в речи на каждом шагу. Согласно работе Братус, уменьшительные суффиксы, будучи присоединенными к прилагательным, придают им разнообразные экспрессивно-эмоциональные оттенки, начиная от значения низкой степени качества, которое выражено в слове хитроватый (от хитрый), и кончая выражением чувств любви, нежности, симпатии и удовольствия: родной — родненький, милый — миленький, чудный — чудненький, а также презрения, ненависти, пренебрежения и надменного отношения».

Отсутствие жестко «закрепленных» соответствий чувств в русском языке, зависимость значения от конкретной ситуации может указывать на ситуативность этики [5, с. 373: **индикатор №34 «Это зависит от ситуации», «смотря для чего»**].

«Верно ли, что прилагательные с суффиксом -енький могут иметь столь разные экспрессивные значения в диапазоне от любви до ненависти? Если это и в самом деле так, то тогда вроде бы получается, что единственное инвариантное значение, которое можно приписать суффиксу -еньк, это значение неопределенной эмоции „я чувствую что-то (думая об этом)». А тогда можно считать, что выбор между положительной и отрицательной интерпретацией (например, между любовью и ненавистью) частично задается базовой формой, как подсказывают приведенные выше примеры из работы Братус: миленький (дорогой + уменьшительность) — любовь, плохонький (плохой + уменьшительность) — ненависть».

Итак, мы видим, что уменьшительные формы прилагательных на -еньк могут передавать очень широкий спектр чувств: восторг, очарование, привлекательность, жалость, интерес и др. Поэтому, чтобы объяснить столь широкий разброс допустимых интерпретаций, нам не остается ничего иного, как ввести в толкование прилагательного представление о неопределенном свободно плавающем «хорошем чувстве», не обязательно направленном на человека или вещь».

В данном фрагменте анализа можно отметить ситуативность — «какое именно чувство передастся, зависит каждый раз от контекста» [5, с. 373: **индикатор №34 «Это зависит от ситуации», «смотря для чего»**] и ценностность функции ■ в русском ИТИМе — высокая эмоциональная температура русской речи:

«Поскольку прилагательные с суффиксом -еньк очень часто встречаются в русской прозе и в русской бытовой речи и поскольку их сфера употребления необычайно широка, они в значительной мере определяют общую эмоциональную окраску и тональность русской речи. То, какое именно чувство передастся, зависит каждый раз от контекста, но в целом эмоциональная температура текста весьма высокая — она гораздо выше, чем у английского текста, и выше, чем в других славянских языках».

Отсутствие нюансов выражения чувств и отношений в английском языке указывает на маломерность функций этики эмоций (■) и этики отношений (БЭ) в ИТИМе английского народа [5, с. 359: **индикатор №17 «Мало градаций»**]:

«Степень и качество нежности, выражаемые русскими формами Илюшечка (в «Братьях Карамазовых» Достоевского) или Надюшенька (в романе «В круге первом» Солженицы-

на) точно так же, как и русское экспрессивное звучание формы Митюха (образованной из Дмитрий, Митя путем прибавления суффикса -уха) и ей подобных, просто не могут быть адекватно переданы по-английски».

Чуждость активного погружения в эмоции может указывать на неценность функции ■ в английском ИТИМе — отсутствие интереса, избегание:

«Носители английского языка обычно не говорят о своей «охваченности» тем или иным чувством (не в том смысле, что они пассивно ему предаются, а в том, чтобы активно купаться в его волнах). И сама идея активности и ее языковое воплощение, видимо, абсолютно несвойственны и даже чужды англо-саксонской культуре».

В анализе ниже можно предположить маломерность функции ■ в английском ИТИМе (наличие жестких, рамок, ограничений на выражение эмоций) [5, с. 365: **индикатор №27 «Негибкость»**]. В русском языке, напротив, видна способность отойти от жестких запретов на выражение эмоций, что говорит о ситуативности функции ■ в ИТИМе русского народа [5, с. 375: **индикатор №36 «Отказ от правильности, сужающей рамки»**]. Также можно отметить ценность функции ■ в русском ИТИМе — выражение эмоций рассматривается как одна из основных функций речи [5, с. 367: **индикатор №30 «Ценность, важность информации по аспекту»**]:

«Активность русских эмоциональных глаголов выражается, помимо прочего, в том, что многие из них (в форме совершенного вида) могут вводить в текст прямую речь. Например:

*«Маша — здесь?» — удивился Иван
«Иван здесь!» — обрадовалась Маша.*

В английском языке тоже есть глаголы, которые могут использоваться для интерпретации речи человека в виде одной из форм проявления чувств. К ним относятся, например, enthuse (прійти в восторг), exult (ликовать, торжествовать), moan (стонать), thunder (греметь, грохотать) или fume (кипеть; волноваться, раздражаться).

«No prince has ever known the power that I have!» Nero exulted.

«Ни у одного правителя не было такой власти, какая есть у меня». — Ликовал Нерон.

Как правило, однако, такие глаголы имеют чуть негативные или иронические коннотации и в равной мере подчеркивают эмоцию и манеру речи. Русские же глаголы чувств типа удивляться или обрадоваться используются как «чисто» речевые, а не как глаголы способа ведения речи (marker of speech verbs). В этом я вижу еще одно проявление упомянутого выше культурного различия: англо-саксонской культуре свойственно неодобрительное отношение к ничем не сдерживаемому словесному потоку чувств, между тем как русская культура относит вербальное выражение эмоций к одной из основных функций человеческой речи».

Следующий пример подтверждает то, что в русском языке (в отличие от английского) отсутствуют ограничения, жесткие рамки по этике. Это позволяет предположить многомерность этик в русском ИТИМе [5, с. 375: **индикатор №36 «Отказ от правильности, сужающей рамки»**] и маломерность в английском [5, с. 365: **индикатор №27 «Негибкость»**]:

«У русских не существует запретов, мешающих им выразить свою любовь к взрослому человеку, и поскольку мужчины у них в этом отношении не отличаются от женщин, ласкательные диминутивы, такие, как Володенька или Катенька, не ограничены применением к одним лишь детям, что отличает их от английских «диминутивов» типа Тотту или Eddie. В результате форма Володенька, хотя и очень теплая, не является исключительно детской (подобно формам Ратту и Титту), а форма Володя вполне может быть использована по отношению к ребенку (хотя она и менее теплая). Даже менее ласковая, чем Володенька, форма Володя сохраняет в себе известную степень теплоты, в то время как английские имена Тот или Ed, хотя и не формальные, совсем не теплые».

Результаты сравнительной оценки концептов «laughter» и «смех», «хохот» говорят о том, что в русской культуре (в отличие от английской) отсутствуют жесткие рамки эмоциональных проявлений, наблюдается положительное отношение к яркому выражению эмоций. Это позволяет предположить ценность [5, с. 367: **индикатор №30 «Ценность, важность**

информации по аспекту»] и многомерность ■ в русском ИТИМе [5, с. 375: индикатор №36 «Отказ от правильности, сужающей рамки»]:

«Как отмечается в RECDHB¹, английскому слову *laughter* в русском языке соответствует не одно, а два существительных — смех и хохот, а английскому глаголу *laugh* в русском языке соответствует не один, а два глагола: смеяться и хохотать.

Конечно, в английском языке есть и другие слова, обозначающие то, что может рассматриваться как разновидности смеха: *chuckle* — смешок, фыркнуть от смеха, *giggle* — хихиканье, хихикнуть и *cackle* — хохоток, кудахтать от смеха. Но отношение этих слов к самым базовым словам *laugh* и *laughter* полностью отличается от соотношения между русскими словами хохот, хохотать, с одной стороны, и смех, смеяться — с другой. На самом деле все три английских слова: *giggle*, *chuckle* и *cackle* — подразумевают нечто меньшее, чем смех от всего сердца. Из этих трех слов обозначающее произвольное, неконтролируемое действие слово *giggle* имеет лексический аналог в русском языке — глагол хихикать (без соответствующего существительного), а обозначающие сознательные и контролируемые действия *chuckle* и *cackle* вообще не имеют аналогов в русском языке.

В отличие от *giggle*, *chuckle* и *cackle*, хохот, толкуемый RECDHB как *laughter*, *good laughter*, представляет собою именно смех, подлинный смех, хохотать — значит самозабвенно, не сдерживаясь, смеяться в свое удовольствие. Положение, согласно которому русский хохот представляет собою нечто иное, нежели «подсмеиванье», обозначаемое английскими словами *giggle*, *chuckle* и *cackle*, подтверждается упоминаемыми в RECDHB словосочетаниями, такими как следующие:

умирать от хохота
to be dying from chuckling/cackling (умирать от смешка/хохотка)
 помирать от хохота
 чуть не умереть от хохота.

Очевидно, что по-английски нельзя сказать, что кто-то умер или чуть не умер от «*chuckling*, *cackling* или *giggling*». Другие глагольные выражения, упоминаемые в RECDHB, равно красноречивы: кататься от хохота, с ног валиться от хохота, хвататься за бока от хохота, трястись от хохота, живот колыхается от хохота, на глазах слезы выступили от хохота.

Прилагательные, с которыми обычно сочетается слово хохот, также отличны от тех, которые вероятны в сочетании со словами *giggle*, *chuckle* или *cackle*:

громкий хохот — *loud giggle/chuckle/cackle*
 веселый хохот — *merry (cheerful) giggle/chuckle; cheerful cackle*
 здоровый хохот — *robust/healthy giggle/chuckle/cackle*
 дружный хохот — *general* (букв, *harmonious, in concord*) *giggle/chuckle/cackle*
 раскатистый хохот — *giggle/chuckle/cackle *peals of giggle/chuckle/cackle*.
 (также: раскаты хохота)

Типичность сочетания этих прилагательных со словом хохот наводит на мысль, что в русской культуре громкий и несдержанный хохот не рассматривается (говорящим и, вероятно, языковым сообществом в целом) с каким-либо неодобрением, что, напротив того, он считается «здоровым». *Nomina personae* хохотун (мужчина) и хохотунья (женщина) особенно показательны в этом отношении, поскольку оба они подразумевают положительное отношение к лицу, о котором идет речь. Это положительное отношение, вероятно, связано с тем фактом, что хохот, должен выражать неподдельно хорошие чувства. Так, если смех, как и *laugh*, может иногда описываться как горький (*bitter*) или саркастический (*sarcastic*), хохот употребляться в таких сочетаниях не может (горький хохот, саркастический хохот).

Поскольку слова хохот и хохотать представляют собою весьма обычные и частые в разговоре слова русского языка, то, что они специально фокусируются на громком и несдержанном смехе, дает основания предполагать особую отмеченность хохота в русской культуре: информация, которую мы можем извлечь из словарных данных, по-видимому, состоит в

¹ RECDHB – The Russian-English Collocational Dictionary of Human Body («Русско-английский словарь коллокаций, относящихся к человеческому телу». Иорданской и В. Паперно. М., 1995).

*том, что, с точки зрения русской культуры, ожидается, что люди будут иногда, возможно, даже часто смеяться громко и несдержанно, просто веселясь и делая это без всяких попыток контролировать телесные проявления своего хорошего настроения (такие как трясение, валиние с ног, колыхания и т. д.); а также что такого рода поведение не только считается нормальным и социально приемлемым, но фактически одобряется. Отсутствие слова, подобного слову хохот (не говоря уже о словах хохотун и хохотунья), в словарном составе английского языка, так же как и наличие в нем слов *chuckle* и *suckle*, дает основания полагать, что англо-саксонские нормы и ожидания относительно смеха отличаются от русских».*

Проанализировав концепт «эмоции» в русском и английском языках, мы пришли к выводу, что в ИТИМе русского народа функция этики эмоций (■) является ситуативной, ментальной, ценностной функцией, то есть находится в блоке Эго. В ИТИМе английского народа функция ■ является маломерной и неценностной. Эти выводы не противоречат предположениям об ИТИМах русского и английского народа, сделанным в первой части статьи [6].

Концепты «тоска», «печаль» в русском языке и «Sehnsucht», «Kummer», «Gram» в немецком

С соционической точки зрения состояния тоски, печали — это зона сниженного энергетического состояния, то есть зона минуса в ■ [5]. Анализ восприятия данных концептов в русском языке и их аналогов в немецком позволит сделать вывод о знаке функции ■ в ИТИМах этих народов.

В приведенном ниже исследовании [7] видна разница в восприятии концепта «тоска» в русском языке и его аналога — «Sehnsucht» в немецком. В русской культуре тоска рассматривается как мучительное, отрицательное чувство. Это может говорить о некомпетентности в зоне минуса (сниженного энергетического состояния) по ■, и, соответственно, о том, что функция ■ в ИТИМе русского народа имеет знак «плюс» [5, с. 382: **индикатор №48 «Отсутствие ориентации в области негатива»**]. Также исследование показало, что в немецкой культуре аналог тоски — «Sehnsucht» не является отрицательным чувством. Это может говорить о компетентности в зоне минуса ■ [5, с. 383: **индикатор №49 «Ориентация в области негатива»**]:

«Для верификации результатов, полученных на первом этапе нашего исследования, а также для построения полевых структур исследуемых концептов мы выбрали методику рецептивного эксперимента. При помощи рецептивного эксперимента исследователь пытается выяснить субъективную дефиницию концепта носителями языка. Данный этап очень важен, т. к. актуальная форма существования концепта — это та, которая присутствует в сознании носителей языка в настоящее время. Эксперимент проводился методом электронного анкетирования носителей языка в возрасте от 16 до 25 лет. Основная часть испытуемых — это студенты вузов и старшеклассники.

На первом этапе испытуемым предлагалось самим сформулировать определения слова тоска. В результате анализа дефиниций получены следующие компоненты исследуемого концепта (опрошено 34 испытуемых): грусть (хочется плакать, печальное состояние, отсутствие радостного настроения, чувство печали) 10, уныние 6, тревога (беспокойство) 5, расставание (потеря, утрата) 5, скука 5, чувство отсутствия чего-либо/ кого-либо (лишенности, «чего-то не хватает») 4, стремление к желаемому 4, чувство одиночества 3, ностальгия (чувство невозможности вернуть что-то утраченное) 2, отчаяние 2.

Следующим шагом испытуемым предлагалось выбрать из приведенного списка четыре наиболее близких синонима к слову тоска и распределить их в порядке от самого близкого к самому далекому. Из предложенных синонимов в первую очередь основной массой респондентов выбирались следующие: томление души (34%), мучительная грусть (15%) и уныние (15%). На втором месте часто оказывались синонимы мучительная грусть (22%), печаль (13%), нойка сердца (13%). Третье место часто занимали синонимы печаль, уныние, скука, томление души. Четвертое — уныние, печаль, томление души, скука.

В общем и целом, в качестве симиляров (т. е. самых близких синонимов) чаще всего выбирались синонимы уныние (24%), томление души (16%), мучительная грусть (13%), печаль (12%), скука (9%).

Следующая серия вопросов была направлена на верификацию некоторых когнитивных признаков, выявленных в предыдущей главе нашего исследования, и выяснения их актуальности для молодого поколения носителей языка. На вопрос, является ли тоска интенсивным чувством, больше половины испытуемых ответили положительно, равно как и на вопрос о том, является ли тоска отрицательным чувством.

Чтобы проверить данные, полученные при помощи анализа текстов на немецком языке, а также сравнить немецкий концепт с русским, мы провели аналогичный рецептивный эксперимент на немецком. Опрос был проведен при помощи электронного анкетирования группы носителей немецкого языка в возрасте от 16 до 30 лет.

Первый вопрос немецкой анкеты был аналогичен первому вопросу русской анкеты: мы попросили испытуемых дать субъективную дефиницию слова *Sehnsucht*.

В результате анализа полученных дефиниций мы выделили следующие компоненты: *Verlangen, Drang, Wunsch* (сильное желание, стремление) 8, *Vermissten* (ощущение отсутствия [утраты] кого-л., чего-л.) 8. При этом многими респондентами было отмечено, что объект стремления должен быть на данный момент недостижим (или вовсе недостижим). При этом он может находиться и в прошлом (например, детство).

Заметим, что в отличие от русского концепта тоска, немецкий концепт *Sehnsucht* не обладает компонентом грусти. Это было еще раз подтверждено при помощи прямого вопроса, является ли *Sehnsucht* отрицательным чувством. Оказалось, что для 91% респондентов *Sehnsucht* не является отрицательным чувством. Здесь русский и немецкий концепты расходятся, т. к. среди русских носителей языка преобладает отрицательная оценка данного чувства.

На основе полученных данных мы можем теперь сопоставить русский и немецкий концепты и выделить в них сферы пересечения и существенные различия. Русский и немецкий концепты пересекаются по одному признаку, являющемуся частью ядра обоих концептов. Этим признаком является томление, т. е. мучительное душевное состояние, вызванное отсутствием желаемого. Кроме этого признака других пересечений концептов тоска и *Sehnsucht* в области ядра не наблюдается. Иными словами, различия этих двух концептов берут начало уже с ядра. Так, в ядро немецкого концепта не входит признак грусти и отрицательности чувства, очень важный для русского концепта. Последний вообще отсутствует в концепте *Sehnsucht*. Это явное различие в ядре русского и немецкого концептов показывает, что немецкий концепт вовсе не является полным аналогом русского концепта тоска».

В немецком языке словосочетание «*beständige Sehnsucht*» (постоянная тоска) встречается чаще, чем «*kurzzeitige Sehnsucht*» (кратковременная тоска). Это также может указывать на компетентность в зоне минуса — сниженного энергетического состояния, отсутствии болезненности от пребывания в этой зоне:

«В немецкой литературе встречается словосочетание *beständige Sehnsucht* — постоянная тоска. Обычно это словосочетание встречается в контексте «тоска по Богу». Заметим, что данные словосочетания можно перевести на русский дословно, что само по себе уже говорит о пересечении концептуальных признаков русского и немецкого концептов. Словосочетания кратковременная тоска — *kurzzeitige Sehnsucht* встречаются значительно реже. Таким образом, и в немецком концепте присутствует признак протяженности во времени, который значительно ярче, чем противоположный ему признак непродолжительности во времени».

В следующем анализе [4] мы видим еще одно проявление плюсовой ■ в ИТИМе русского народа. Зона минуса (печаль) воспринимается как разрушительная для человека, что указывает на некомпетентность в данной зоне [5, с. 382: индикатор №48 «Отсутствие ориентации в области негатива»]. Немецкой языковой культуре не свойственно болезненное восприятие данной зоны, а поиск выхода из нее осуществляется через функции Δ (время) и ○ (пища), что может указывать на большую размерность данных функций по сравнению с ■ [8]:

«Если русское языковое сознание сосредоточено на фиксации соматических проявлений активно персонафицируемой печали, свидетельствующих о её сильном разрушительном воздействии на тело и душу человека, то немецкое сознание предпочитает искать средства преодоления переживания деструктивных эмоций — Geduld und Zeit lindern alle Traurigkeit (терпение и время облегчает все печали); Beim Trinken und Essen wird der Kummer vergessen (когда пьешь и ешь, горе забывается); Немецкое языковое сознание охотно оперирует такими понятиями, как «пища» (Trinken und Essen, Naehrung) и «терпение» (Geduld). Употребление пищи и сам фактор времени представляются немцам одним из средств противления депрессии».

«Легкость преодоления», выхода из печали, возможно, указывает на ориентацию в зоне минуса **■**: нет застревания в данной зоне, вызванного некомпетентностью [5, с. 383: **индикатор №49 «Ориентация в области негатива»**]:

«Утверждается лёгкость преодоления гнетущего состояния — Mit einem Pfenning Frohsinn vertreibt man ein Pfund Kummer (небольшой радостью прогоняют большее беспокойство). Достаточно попытки ввести себя в жизнерадостное состояние (Frohsinn), чтобы избавиться от негативной эмоции, одолевшей человека».

В выводах ниже мы можем наблюдать свойственный немецкому восприятию перевод из функции **■** (эмоции) в функцию **●** (деньги), оценку через функцию **●**: переживание эмоций нецелесообразным с точки зрения денежных интересов. Это может указывать на возможную многомерность функции **●** [8] и ее ценностность [5, с. 367: **индикатор №30 «Ценность, важность информации по аспекту»**]:

«Следующая семантическая группа, обнаруженная нами в немецком языке и условно обозначенная как «утилитарная», отсутствует в русском пословично-поговорочном фонде. В неё входят пословицы, считающие переживание эмоций Gram (скорбь) и Kummer (печаль) нецелесообразным с точки зрения жизненных, бытовых интересов человека: Gram zahlt keine Schulden (скорбь не считается с долгами); Hundert Stunden Kummer bezahlt keinen Heller Schulden (сто часов печали не оплачивают долги). Любопытно, на наш взгляд, в психолого-культурологическом плане вторая из приведённых пословиц. Согласно представлениям немцев, переживание данной эмоции бессмысленно, совершенно непрактично. Можно сколько угодно (гипербола hundred Stunden — сто часов) озабоченно думать, например, о денежном долге, но его погашение предполагает активную работу, а не пустые, созерцательно-грустные размышления. Следует действовать, а не предаваться печали и унынию. В данном случае хотелось бы акцентировать наше внимание на факте частого апеллирования немецким социумом при оценке Kummer к понятию денег, включённого в анализируемые метафоры. Не составляет большого труда заметить релевантность феномена «деньги» для немцев, ассоциируемого с рассматриваемой эмоцией».

Анализ концептов «тоска», «печаль» в русском языке позволяет сделать выводы о том, что функция этики эмоций (**■**) имеет знак плюс в русском ИТИМе: выявлена некомпетентность в зоне минуса. В немецком ИТИМе функция **■** имеет знак минус: обнаружены индикаторы ориентации в данной зоне. Наличие переводов управления из функции **■** в функции **△**, **○**, **●** позволяет предположить маломерность функции **■** и большую размерность перечисленных выше функций.

Резюмируя проведенный анализ, можно сделать следующие выводы:

1. Язык отражает специфические особенности восприятия и обработки информации, присущие соответствующему народу. Таким образом, анализируя языковые закономерности, мы можем определить ИТИМ рассматриваемого народа.
2. В ходе исследования эмоциональных концептов в русском, английском и немецком языках, мы установили следующее:
 - а) в ИТИМе русского народа функция **■** является многомерной, ментальной, имеет знак «плюс». Это не противоречит предположению об ИТИМе русского народа как интуитивно-этического интроверта, высказанному в первой части статьи [6];

- б) в ИТИМе английского народа функция **■** является маломерной и неценностной;
- с) в ИТИМе немецкого народа функция **■** имеет знак минус. Наличие переводов управления из функции **■** в функции **△**, **○**, **●** позволяет предположить маломерность функции **■** и большую размерность перечисленных выше функций.

Таким образом, использование лингвистического анализа эмоциональных концептов помогло нам в определении ИТИМов русского, английского и немецкого народов.

Л и т е р а т у р а :

1. *Вежбицкая А.* Язык. Культура. Познание. / Пер. с англ., отв. ред. М. А. Кронгауз, вступ. ст. Е. В. Падучевой. — М.: Русские словари, 1996. — 412 с.
2. *Вежбицкая А.* Семантические универсалии и описание языков. — М., 1999.
3. *Зализняк Анна А., Левонтина И. Б., Шмелев А. Д.* Ключевые идеи русской языковой картины мира: Сб. ст. — М.: Языки славянской культуры, 2005. — 544 с.
4. *Красавский Н. А.* Эмоциональные концепты в немецкой и русской лингвокультурах. — Волгоград: Перемена, 2001. — 495 с.
5. *Элит И. М.* Определение соционического типа. Самоучитель от А до Я. — М.: Чёрная белка, 2013.
6. *Тумольская В. А.* Использование инструментов лингвистического анализа в определении интегральных ИТИМов. Часть 1. // Соционика, ментология и психология личности. — 2015. — №1. — <http://socionicasys.org/forum/viewtopic.php?f=34&t=5455>.
7. *Черепанова И. Ю., Данилкина М. А.* Функционально-семантическая характеристика конструкта тоска (на примере русского и немецкого языков). — http://tverlingua.ru/archive/032/06_32.pdf.
8. *Элит И. М., Тумольская В. А.* Исследование переводов управления в модели А // Соционика, ментология и психология личности. — 2012. — №1.

Об авторе:

ТУМОЛЬСКАЯ Виталина Александровна — компьютерный инженер и психолог, магистр соционики, активный участник исследований, проводимых Школой Системной Соционики. Работает хореографом-постановщиком концертных номеров (направление контемпорари, джаз-модерн)